

*Атабек Кызыл Арслан принимает поэта
Низами Гянджеви. Миниатюра XIII века*

Амина МЕЛИКОВА,
доктор философии по искусствоведению

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ и ширваншах Ахситан I

Низами Гянджеви (1141–1209) принадлежит к числу величайших поэтов в истории человечества. Изучение различных аспектов его творчества позволяет раскрыть всё новые и новые аспекты не только поэзии, искусства, но и истории Азербайджана. В представленной статье дана попытка осветить взаимоотношения поэта Низами с ширваншахом Ахситаном I (1160-1197).

Низами (Ильяс Юсиф оглу) – уроженец и житель Гянджи, одного из крупнейших городов государства Атабеков Азербайджана, где правила династия Ильдегизидов, а **Ахситан I был правителем соседнего государства Ширваншахов. Именно по его заказу была написана поэма**

«Лейли и Меджнун», которая признана вершиной творчества, ярчайшим шедевром Низами (1, с. 143). Поэт указывает точную дату завершения работы над этим произведением – 24 сентября 1188 года, отмечая, что поэма была написана за 4 месяца (2, с. 130). В поэме содержится широкая информация о жизни поэта этого периода, его взаимоотношениях с обществом.

К 1188 году Низами был известным поэтом, автором таких великих произведений, как поэмы **«Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин»**. Газели и касыды из его сборника стихов **«Диван»** были популярны по всему Востоку, декламировались на литературных и музыкальных вечерах. И

Правитель на троне. Изображение на керамике. XIII в.

поэт осознавал свою значимость, отмечая в «Лейли и Меджнуне»:

*«Такое мне досталось волшебство,
Что отрицать бессмысленно его.
За чародейство слов — творцу почет.
«Зерцалом тайн» прозвал меня народ»* (3).

Вместе с тем он с горечью отмечает **растущее количество фактов плагиата**, когда другие поэты выдавали фрагменты поэм и газелей Низами за свои собственные:

*«Поэзии могучая река
Прославилась в мой век на все века.
А дармоеды, их презренный сброд,
Кормиться счастливы от моих щедрот.
Добычу лев сражает наповал;
Объедками питается шакал.*

*Газели сочиню — раздумий плод —
Злоречный за свои их выдает.
Двустипшия торжественных касыд
Он подражаньем жалким осквернит».*

Придворные, видевшие в Низами серьезного конкурента, поносили и всячески принижали его талант; зачастую крадя у него идею, его же обвиняли в тавтологии (повторе):

*«Завистники, аллах, избавь от них!
Злословят и хулят мой плавный стих.
Передо мной пластаются, как тень,
Но за глаза поносят всякий день».*

Кем же был Ахситан I к 1188 году? Сын ширваншаха Манучехра III Великого и грузинской царицы Тамар, двоюродный брат византийского императора Андроникоса I, **Ахситан сумел превратить государство Ширваншахов во влиятельную силу в регионе**. Он помог грузинскому царю Георгию III подавить мятеж феодалов, установил

прочные дружественные отношения с сельджуками, Грузией и Византией. В 1173 году в морском бою у острова Сары на Каспии Ахситан наголову разгромил флот русов, положив конец их вторжениям в Азербайджан. Несколько позднее перенес резиденцию в Баку, способствовал строительству здесь ряда монументальных сооружений, и вместе с тем восстановил разрушенную землетрясением Шемаху (1, с. 101-122). **Считался покровителем наук и искусств**, но при этом обходился с придворными поэтами и учеными довольно сурово. Особенно это проявилось в отношении к выдающемуся поэту Хагани, которого ширваншах несколько раз бросал в тюрьму. Низами не мог не знать об этом, но **причину усматривал не в характере ширваншаха, а в корне всей системы ничем не ограниченной власти**, и поэтому полагал, что лучше всего сохранять свободу и не идти в услужение:

«Что ты склоняешь голову под всякую затрецину?»

*Зачем ты покорно принимаешь всякое насилие?
Выпрями спину, как гора,
Унижение несет внутренний ущерб,
Перенесение несправедливости несет вялость».*

В своих газелях периода молодости поэт несколько раз упоминает Ахситана I, причем в положительном ключе: «*Но ты стремись к стремени шаха, ибо самый великий - он*» (4, газель 23); «*О моя смеющаяся роза, о мой кипарис с плавной поступью! Ступай велчаво к Низами, чтобы гордился тобою Венец царей Ахсатан, хозяин моего дивана*» (4, газель 34).

Жил Низами довольно скромно: подаренная поэту атабеком Кызыл Арсланом деревня Хамдунян была в числе беднейших, и доход от неё

**Шах принимает поэта Низами Гянджеви.
Миниатюра XVI века**

покрывал лишь повседневные нужды (6, р. 69).
Поэтому 47-летний поэт возлагал надежды на крупные заказы, как он сам отмечает во вводящей части поэмы «Лейли и Меджнун»:

*«Доколе проводить впустую дни?
Кончай с бездельем, вокруг себя взгляни!
Верши добро, и вкусишь от щедрот!
Кто в праздности живет — никчемн тот».*
*«О, если б муж, причастный к сонму сил,
Заказ достойный мне сейчас вручил!»*

Практика создания крупных поэтических произведений на заказ была весьма обычной в эпоху средневековья. Примечательно, что **Низами, которого нередко, исходя из языка творчества, ошибочно именуют иранским поэтом, все свои крупные произведения сочинил по заказу правителей тюркских государств.** Если обратиться к знаменитой «Пятернице», то поэма «Сокровищница тайн» была создана по заказу правителя малоазиатской области Эрзинджан Фахраддина Бахрам-шаха, «Хосров и Ширин» - правителя государства Атабеков Азербайджана Мухаммеда Джахана Пехлевана, «Лейли и Меджнун» - ширваншаха Ахситана I, «Искандер-наме» - правителя азербайджанской области Ахар Нусратаддина ибн Мухаммеда, «Семь красавиц» - правителя азер-

байджанской области Марага Алааддина Корпе Аслана (6, р. 72-73). Создание крупных произведений требовало полного напряжения сил, отказа от других заказов, отстраненности от повседневных дел, и поэтому было возможно лишь при финансовой поддержке тех, кого поэт называл «мужи, причастные к сонму сил».

Заказ от Ахситана I, поступивший весной 1188 года, Низами поначалу воспринял с воодушевлением:

*«Так о работе я мечтал, когда
Явилась вдруг желанная звезда.
Трудись, счастливцев, позабудь про сон
И будешь ты судьбой вознагражден!»
И совершилось чудо наконец —
Посланье шаха мне вручил гонец.
Я с наслажденьем вчитываться смог
В пятнадцать дивных, несравненных строк».*

Однако, прочитав монаршее послание, поэт был сильно разочарован:

*«Я помертвел, — выходит, что судьба
Кольцо мне вдела шахского раба!
Нет смелости, чтоб отписать отказ,
Глаз притупился, слов иссяк запас.
Пропал задор, погас душевный жар, —
Я слаб здоровьем и годами стар».*

И далее поэт даёт резюмированное содержание шахского послания:

*«Властитель слов, кудесник, Низами,
Раб дружбы верной, наш привет прими.
Вдыхая воздух утренней зари,
Пером волшебным диво сотвори.
Найди проникновенные слова,
Достигни совершенства мастерства.
Любовь Меджнуна славится в веках -
Воспой ее в возвышенных стихах.
Так опиши невинную Лейли,
Чтоб жемчугами строки расцвели.
Чтоб прочитав, я молвил: „Мой певец
И впрямь усладу создал для сердец.
Любовь возвел на высший пьедестал
И кистью живописца расписал“.*
*Шахиной песен повесть стать должна,
И слов казну растрачивай сполна.
У персов и арабов можешь ты
Убранство взять для юной красоты.
Ты знаешь сам, двустийший я знаток,
Подмену замечаю в тот же срок.
Подделкою себя не обеславь,
Чистейшее нам золото поставь.
И не забудь: для шахского венца
Ты отбираешь перлы из ларца.
Мы во дворце не терпим тюркский дух,*

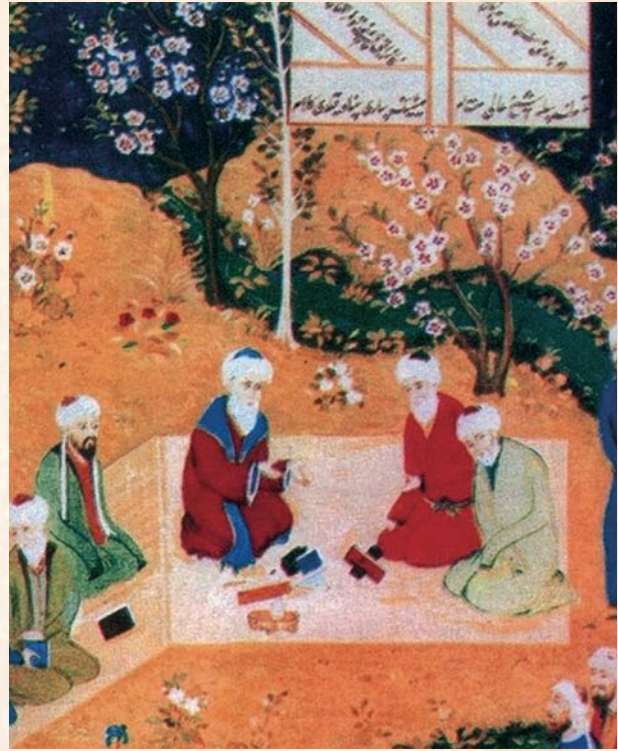
*И тюркские слова нам режут слух.
Песнь для того, кто родом знаменит,
Слагать высоким слогом надлежит!»*

Таким образом, на этот раз Низами получил заказ поэмы на основе известного на Востоке предания о Лейли и Меджнуне. И до, и после этого поэт получал заказы на поэму, но на «свободную» тему, т.е. сюжет строил самостоятельно. Установлено, что **в средние века легенда о Лейли и Меджнуне была описана в «Трактате о поэзии и поэтах» Ибн Кутейбы (умер в 889 г), в «Книге песен» Абу-л-Фараджа ал-Исфахани (897-967), в труде Абу-Бекра ал-Валиби «Диван Меджнуна» (2, с. 135-136).** Сюжет легенды прост: пастух Меджнун влюбляется в девушку из соседнего племени, но получает отказ от ее родителей, отчего впадает в помешательство. Молодого человека везут на паломничество в Мекку, но и это не приносит пользы; он скитается и, наконец, узнав, что его избранницу выдали за другого, умирает с горя. Эту непрезентабельную легенду, которую пересказывали караванщики долгими вечерами у костра, предстояло превратить в шедевр, достойный шахского двора. Непростой характер задачи отмечает и Низами:

*«Как поступить? Хоть замыслов полно,
Но на душе и смутно, и темно.
Предписан мне заране узкий путь,
С него мне не дозволено свернуть.
Сказанье это — притча давних дней,
Веселость мысли несовместна с ней.
Веселье — принадлежность легких слов,
А смысл легенды важен и суров.
Там ни цветов, ни праздничных утех,
Вино не льется и не слышен смех.
Ущелья гор, горячие пески
Впитали песни горестной тоски.
Доколе наполнять печалью стих?
Песнь жаждет слов затейливо-живых.
Легенды той, грустней которой нет,
Поэты не касались с давних лет».*

Наряду с этим, **ширваншах требовал использовать изысканные обороты персидского и арабского языков, избегая тюркских слов, которые воспринимались как простонародный слог.** В те времена на Востоке персидский язык считался языком литературы, а арабский - языком науки, на этих языках говорили представители высших слоев общества, показывая свою образованность. Низами же широко вводил в свои произведения тюркские слова, понятные простому народу, и таким путем добивался широкой популярности. Наряду с этим, **вопреки точке зрения**

Поэт Низами Гянджеви и мудрецы. Фрагмент миниатюры XVI века

на Низами как «иранского поэта», для его произведений характерно изображение тюрков в позитивных красках, а в «Сокровищнице тайн» - даже как образец справедливости:

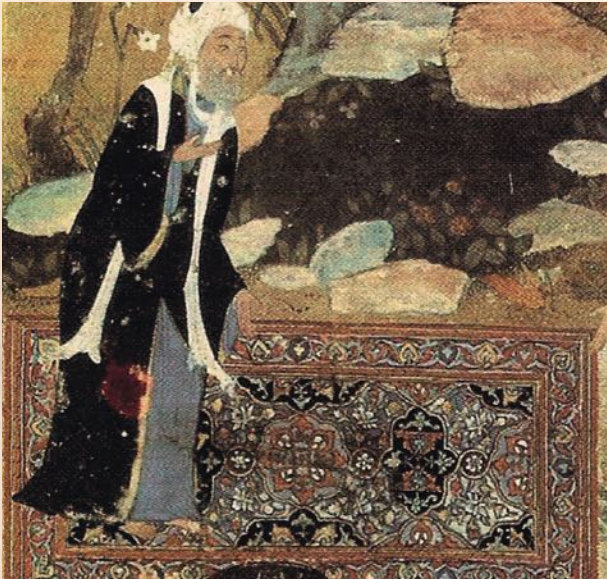
*«Держава тюрков, которая возвысилась,
Обрела власть благодаря любви к справедливости.*

*Раз ты творишь беззаконие (тиранию)
То ты не тюрк, а вор-индус».*

Возможно, Низами и не взялся бы за заказ ширваншаха Ахситана, если бы не вмешался его сын Мухаммед:

*«Тут Мухаммед, возлюбленный мой сын, —
Души моей и сердца властелин,
Скользнув в покой как тень, бесшумно-тих,
Взяв бережно письмо из рук моих,
Проговорил, припав к моим стопам:
«Внимают небеса твоим стихам.
Ты, кто воспел Хосрова и Ширин,
Людских сердец и мыслей властелин,
Прислушаться ко мне благоволи,
Восслав любовь Меджнуна и Лейли.
Шах просит сочинить тебя дастан.
Царю Иран подвластен и Ширван,
Ценителем словесности сльвет,
Искусства благодетель и оплот.
Коль требует, ему не откажи,
Вот твой калам, садись, отец, пиши!»*

*Поэт Низами Гянджеви.
Фрагмент миниатюры XVI века*

Низами дал сыну хорошее образование, и возможно, тот тяготился скучной провинциальной жизнью. Тем более что сын ширваншаха Манучехр в это время как раз собирал свой штат придворных, и 13-летний **Мухаммед надеялся, что при представлении поэмы ширваншаху тот возьмет его в штат придворных принца.** Низами понял, на что рассчитывал сын, и именно поэтому включил в поэму назидания:

*«Общениа с падишахом остерегайся,
Как сухой хлопок жаркого огня.
От огня, хоть он и полон света,
В безопасности лишь тот, кто вдали.
Тебе царей подачки не нужны:
С бесчестьем они сопряжены».*

Несмотря на все сомнения, **поставленная ширваншахом задача увлекла Низами, и он принял заказ** - во-первых, считая себя «халифом поэзии», способным превратить простенькое предание в произведение высокой поэзии, и во-вторых, чтобы исполнить желание сына:

*«Но повелел писать мне ширваншах,
И в честь его дерзну в своих стихах,
Не жалуясь на замкнутый простор,
Творить, как не случалось до сих пор.
Чтоб шах сказал: „Воистину слуга
Передо мной рассыпал жемчуга!“
Чтоб мой читатель, коль не мертвый он,
Забыв про все, стал пламенно влюблен.
И если я поэзии халиф,
Наследник, настоянье проявив,
На уговоры тратил много сил,
Чтоб я ларец заветный приоткрыл».*

Во вводной части поэмы Низами отмечает, что он легко справился с задачей:

*«Сокровищем ума, как из ларца,
Я одарил поэму до конца.
Создать в четыре месяца я смог
Четыре тыщи бейтов, звучных строк.
Коль не было б докучных мелочей,
Сложил бы их в четырнадцать ночей.
Да будет благодатью взыскан тот,
Кто благосклонно встретит этот плод.
Пятьсот восемьдесят четвертый год
Поэмы завершенья принесет.
Закончен труд, я отдых заслужил,
На паланкин поэму возложил.
К ней доступ я закрою на замок,
Пока мой шах не вынес приговор».*

Низами справился с поставленной задачей, **не только отразив пожелания заказчика, но и высказав в поэме то, что сам считал нужным.** Так, он сохранил имена персонажей легенды (Кейс, получивший прозвище Меджнун, Лейли, Ноуфель, а также названия племен), сюжет безумия Меджнуна, сюжет паломничества в Мекку, сюжет выдачи Лейли замуж за другого, скитания и гибель Меджнуна). Вместе с тем внесенные им изменения и добавления превратили легенду в шедевр. У Низами Меджнун не простой пастух, а сын вождя племени, что дало возможность описать богатства и роскошь. Вместо пастбища автор ввел описание школы, получив возможность рассказать о науках, образовании, ввел сцены битвы Ноуфеля с племенем Лейли. На наш взгляд, **ряд сделанных автором добавлений однозначно адресован непосредственно личности заказчика - правителя Ширвана.** Так, в поэму введена сцена беседы Меджнуна со звездами, что обязательно должно было понравиться ширваншаху, покровительствовавшему астрономии и превратившему Шемахинскую обсерваторию в крупный научный центр того времени. **Наличие в поэме суфийских элементов также связано с покровительством ширваншаха суфиям.** Так, хотя после смерти мужа Лейли ничто не мешает Меджнуну жениться на своей возлюбленной, которая за время семейной жизни осталась девственницей, так как не позволяла мужу притронуться к ней, а он с уважением относился к её воле (с помощью такого приема Низами показывает читателю, что Меджнун не женился на ней по другой причине), но он не делает этого, так как ему нужна не сама Лейли-женщина, а образ Лейли как предмет поклонения. По мнению исследователя творчества Низами Е.Бертельса, поэтому автор поэмы «уби-

вает» Лейли, показывая, что физически она «не нужна». Последующая смерть Меджнуна служит мистически-философскому слиянию влюбленных. В поэме Меджнун показан поэтом, стихами которого восторгаются все окружающие, хоть и знают о его безумии.

В конце поэмы Низами осмелился дать совет ширваншаху, **призвав его в погоне за велико-светским аристократизмом не пренебрегать своими «простонародными» тюркскими корнями:**

*«Но все ж и от советчика другого
Я выслушать тебя молю два слова:*

*Наш мир, как глянешь, - хитрый чародей,
Уже он столько пережил царей!*

*Стань бдительным, как тюрк, если сможешь -
Тогда могущество свое умножишь».*

Вероятно, плата за поэму была щедрой, так как позже Низами Гянджеви отразил в поэме «Искандер-наме» кончину ширваншаха, последовавшую в 1197 году:

*«Если ушли розы и кипарис шаха Ахситана,
Ты зато зеленей в этом саду.*

Если он возвысил меня дарами,

Поднял меня с земли до высокого небосвода,

Ты меня держал лучше и выше,

Врата сада предо мной закрытыми не оставил».

Вывод из всего изложенного состоит в том, что **отношения Низами Гянджеви с ширваншахом Ахситаном I представляли собой отношения заказчика и исполнителя, характеризующиеся взаимным уважением.** Не лебезя перед августейшим клиентом, поэт выполнил его заказ, создав при этом один из шедевров мировой литературы. Сделанные им добавления к сюжету старинной легенды помогли создать увлекательное произведение, которое впоследствии вдохновляло очень многих композиторов и художников. Тот факт, что, имея в подчинении десятки придворных поэтов, ширваншах Ахситан доверил написание поэмы именно Низами, свидетельствует об уважении к гению великого поэта. Почему он выбрал для заказа сюжет простой арабской легенды и вдобавок требовал, чтобы в тексте были арабизмы и фарсизмы, мы не знаем; скорее всего, подоплека лежит в политической плоскости. ❀

Литература

1. Ашурбейли, С.Б. Государство Ширваншахов (VI-XVI вв.) Баку: Элм, 1983, 343 с.
2. Бертельс Е.Э. Низами. Творческий путь поэта. Москва: Издательство АН СССР, 1956, 262 с.

Страница из рукописи поэмы Низами Гянджеви. XIV век

3. Низами Гянджеви. Собрание сочинений в пяти томах. Том 3. Лейли и Меджнун. Пер. с фарси Т.Стрешневой. Москва, Художественная литература, 1986 г., 365 с.

4. Низами. Лирика. Перевод, вступ. статья и коммент. проф. Рустама Алиева. Баку: Изд-во Язычы, 1981, 171 с.

5. Ибрагимов М. Литературно-художественные очерки. Путевые заметки // Собрание сочинений. Том 6. М., Художественная литература, 1986, 510 с.

6. Habibbeyli Isa. Great Azerbaijani poet Nizami Ganjavi // Intercultural space: Rustaveli and Nizami. Tbilisi, 2021, p. 57-78

The article deals with how great Azerbaijani poet Nizami Ganjavi created one of his masterpieces, the "Leyli and Majnun" poem, " by order of Shirvanshah Ahsitan I. Referring mainly to the text of the poem, the author characterizes the relationship between the poet and the monarch, noting that Nizami put his personal freedom above everything and avoided becoming a court poet. It is also indicated that all the poems of his "Khamsa" were written at the request of Turkic rulers, which is why Nizami widely used Turkic words in them. This runs counter to the point of view that he was a Persian poet.